

Научная статья

УДК 81.42:81.27

doi: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-124-133

ДИАЛЕКТИКА РУССКОЙ ТОСКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Александр Михайлович Погорелко^{1✉}, Татьяна Николаевна Герасина²

¹Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия, Pogorelkoam@rambler.ru.

²Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия, magnolia-avenue@rambler.ru.

Аннотация. Статья посвящена изучению культуроспецифических смысловых ассоциаций концепта тоски. Данный концепт был выбран как показательный пример яркой культурной специфичности абстрактного понятия, характеризующего психологическую сферу человека в системе фоновых знаний русской культуры. Статья продолжает лингвокультурологическую традицию рассматривать концепт тоски как одну из ключевых особенностей русского языкового сознания. В качестве метода выявления элементов культурного содержания был применён анализ комбинаторных возможностей слова «тоска» по нескольким выборкам устойчивой сочетаемости из национального корпуса русского языка. Целью анализа было показать, что зафиксированная в лексикографических источниках структура значения получает верификацию и дополнение со стороны ассоциативной составляющей концепта тоски. Кроме того, в качестве рабочей гипотезы принималось, что устойчивая лексическая сочетаемость даёт возможность выявить когнитивные признаки концепта, не выводимые из одной лишь семантики словарной дефиниции. Результаты семантического анализа наиболее частотных коллокаций рассматриваются авторами как объективированный набор культуроспецифических смысловых компонентов концепта тоски. В выводах приводится соответствующий ряд актуализируемых устойчивой сочетаемостью слова культуроспецифических признаков. Особо выделены те характеристики смыслового наполнения концепта тоски, которые отражают психологический механизм, посредством которого русская языковая культура оформляет и закрепляет определённую модель когнитивного восприятия и соответствующий этому восприятию тип психологической реакции.

Ключевые слова: тоска, концепт, концептуальный анализ, корпус русского языка

Для цитирования: Погорелко А. М., Герасина Т. Н. Диалектика русской тоски с точки зрения концептуального анализа // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8 (490). С. 124–133. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-124-133.

Original article

DIALECTICS OF THE RUSSIAN NOTION “TOSKA” THROUGH CONCEPTUAL ANALYSIS

Alexandr M. Pogorelko^{1✉}, Tatyana N. Gerasina²

¹Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, Pogorelkoam@rambler.ru

²Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, magnolia-avenue@rambler.ru

Abstract. The article deals with the study of culturally specific associations of the Russian concept “toska”. This concept was chosen as a vivid example of cultural specificity related to an abstract notion that reflects the psychological characteristics incorporated into background knowledge of Russian culture. Our investigation follows the traditional interpretation of the concept “toska” as one of the fundamental attributes of Russian cultural psychology. The research is realized through the collocation analysis of frequencies of word combinations statistically processed in the National Corpus of the Russian Language. Our task was to demonstrate that the lexicographic semantic structure of the corresponding word can be verified and supplemented via the associative field of the concept. We also proceeded from the assumption that regular lexical collocability can reveal properties which are not only inferred from the lexical definitions. The results of the analysis are interpreted as objective linguistic evidence for revealing a set of culturally unique semantic properties of the investigated concept. The conclusions summarize a

© Погорелко А. М., Герасина Т. Н., 2024

set of such culturally specific features arising from the collocation analysis. Among those we single out properties that constitute a psychological mechanism by means of which Russian language culture forms a model of cognitive perception alongside corresponding psychological type of reactivity.

Keywords: *toska*, concept, conceptual analysis, Corpus of the Russian Language

For citation: Pogorelko AM, Gerasina TN. Dialectics of the Russian notion “*toska*” through conceptual analysis. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(8(490):124-133. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-124-133.

Введение

Проблема выбора и теоретического оформления инструментов исследования является по-прежнему актуальной задачей лингвокультурологии. Поиск эффективных способов описания глубинной семантики, включающей элементы культурной специфичности, задействует целый ряд методов и концепций, объединяющих традиционную лексикологию с когнитологией и психолингвистикой.

Одной из базовых исследовательских задач лингвокультурологической науки служит реконструкция языковой картины мира. По словам А. Д. Шмелева, языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей (в том смысле, что они дают «ключ» к её пониманию). Ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах как *душа*, *судьба*, *тоска*, *счастье*, *разлука*, *справедливость*. Сами эти слова, заключает исследователь, тоже поэтому могут быть названы ключевыми [13, с. 10].

В данной статье мы ставим перед собой цель рассмотрения культуроспецифичных свойств одного из таких ключевых концептов — концепта тоски. Мы собираемся показать, что смысловое содержание этого концепта, зафиксированное в дефинициях ключевого слова и получившее расширенное семантическое описание в работах целого ряда лингвистов, может получить дополнительную верификацию и возможность новых обобщений с помощью анализа комбинаторных возможностей этого слова в корпусах текстов.

Процедура анализа культурообусловленного содержания единиц языка, особенно в случае абстрактной лексики, представляет собой непростую лингвистическую задачу. Как показывает исследовательский опыт лингвокультурологии, выявление культурной информации не может быть достигнуто применением какой-то простой формализованной процедуры для любых разновидностей культуроспецифичных слов. Сложность определения культурных компонентов значения слова связана с тем, что культурная информация

не проявляет тенденции к локализации в какой-то одной области его семантической структуры. Напротив, обобщение результатов анализа культурного содержания на примере любой достаточно большой группы слов покажет, что эта информация будет «рассеяна» в широких пределах по их семантическому объёму.

Метод концептуального анализа заимствован лингвокультурологией из когнитивной лингвистики. Основным постулатом когнитивной лингвистики является мысль о том, что концепт как ментальная единица может быть описан через анализ средств его языкового выражения. Кроме того, когнитивисты подчеркивают, что, с психолингвистической точки зрения, концепт тесно связан с ассоциативным пространством, понимаемым как поле имени, в котором он и проявляется [6, с. 267]. Совокупность языковых средств, вербализующих концепт в определённый период развития общества, получила в отечественной когнитологии обозначение «*номинативное поле концепта*». Номинативное поле отличается от традиционно выделяемых в лингвистике структурных группировок лексики (лексико-семантической группы, лексико-семантического (лексико-фразеологического) поля, синонимического ряда, ассоциативного поля) тем, что оно имеет комплексный характер, включая все вышеперечисленные типы группировок в свой состав [8].

В нашем анализе будет задействован лишь фрагмент такого номинативного поля. Мы ставим перед собой задачу определить круг центральных смысловых характеристик концепта тоски, поэтому будем делать выводы по ассоциативной комбинаторике непосредственно самого ключевого слова «тоска». Мы считаем, что комбинаторные возможности ключевого слова достаточно показательны для выявления ядра таких смысловых характеристик, которые стали бы получать дополнение и развитие в полной структуре номинативного поля (требующего расширенного анализа смысловых областей дериватов ключевого слова, его синонимов, окказиональных коннотаций интерпретативной части и т. д.).

Концепт тоски был выбран нами как показательный пример яркой культурной специфичности (или, как указывают некоторые исследователи, даже уникальности) абстрактного понятия, характеризующего психологическую сферу человека в системе фоновых знаний русской культуры. В лингвокультурологии своеобразие семантики тоски известно прежде всего в связи с убедительной глубиной описаний этого концепта в работах А. Вежбицкой, А. Д. Шмелева, А. А. Зализняка, И. Б. Левонтиной, Н. Д. Арутюновой и ряда других исследователей.

Так, по словам А. Д. Шмелева, трудно даже объяснить человеку, незнакомому с тоской, что это такое. Словарные определения («тяжёлое, гнетущее чувство, душевная тревога», «гнетущая, томительная скука», «скука, уныние», «душевная тревога, соединённая с грустью; уныние») описывают душевные состояния, родственные тоске, но не тождественные ей. Исследователь делает вывод, что лучше всего для описания тоски подходят развёрнутые описания в форме, предложенной А. Вежбицкой как разновидность культурного сценария: *тоска — это то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо*. Отметим, что А. Вежбицкая считала понятие тоски одной из ключевых особенностей русского языкового сознания: «В русской культуре особенно важную роль играют русские слова «судьба», «душа» и «тоска» и что представление, которое они дают об этой культуре, поистине неопределимо» [3, с. 36].

На неперебиваемость русского слова «тоска» и национальную специфичность обозначаемого им душевного состояния обращали внимание многие иностранцы, изучавшие русский язык. А. Д. Шмелев приводит в пример фрагмент письма известного поэта-модерниста XX в. Р.-М. Рильке, где тот с красочными грамматическими ошибками рассуждает об отличии тоски от состояния, обозначаемого немецким «*Sehnsucht*»: «*Я это не могу сказать по-немецки... это Sehnsucht? Нам надо глядеть в словарь, как переводить: “тоска”. Там разные слова можем найти, как, например: “боязнь”, “сердечная боль”, все вплоть до “скуки”. Но Вы будете соглашаться, если скажу, что, по-моему, ни одно из десяти слов не даёт смысл именно “тоски”. И ведь это потому, что немец вообще не тоскует, и его Sehnsucht вообще не то, а совсем другое сентиментальное состояние души, из которого никогда не выйдет ничего хорошего. Но из русской тоски появились величайшие*

художники, богатыри и чудотворцы русской земли» [14, с. 55].

Описания культурной специфичности семантики тоски требуют применения непротиворечивых процедур лингвистической верификации. В качестве средства выявления элементов глубинной семантики, выходящей за пределы словарного значения слова, лингвисты обращаются к анализу лексической и лексико-грамматической сочетаемости. Устойчивая сочетаемость с полнозначными словами выявляет связь слова с другими концептами и через эту связь раскрывает образный, ценностный, эмоционально-оценочный, ассоциативный элементы содержания единицы. Особая роль в функционировании национально-культурной семантики принадлежит метафоре. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, метафора помогает обнаружить природу непредметных категорий, поэтому метафора существенна: «Метафора выражает устойчивое подобие, раскрывающее сущность предмета, и в конечном счёте его постоянный признак. ... Спор о выборе метафоры — это спор об истинной сущности предмета» [1, с. 354].

По пронизательному замечанию Н. Д. Арутюновой, говоря о психике, человек склонен экстерниоризировать её составляющие — чувства, страсти, желания ... представляя их не только как нечто отдельное от нас, но как нечто, вступающее с нашим «я» в определённые, дружеские или враждебные отношения, нам помогающие или вредящие [1, с. 386]. Мы постараемся показать, что восприятие тоски в русском культурно-языковом сознании соединяет не просто разные, но отчасти именно противоположные элементы. Тоска вовсе не исключительно вредоносна и мучительна для человека. В ментальной модели тоски закреплены и определённые ценностные установки, и даже своеобразная форма психологической адаптивности.

Таким образом, при помощи анализа речевого функционирования слов, условий, тематических областей их употребления и, особенно, лексико-грамматической сочетаемости оказывается возможным выявить метафорическое восприятие стоящих за ними понятий, составляющее дополнительные культурные компоненты их содержания, не выводимые из словарных дефиниций этих единиц. Так, из существования в русском языке сочетаний *его гложет, грызет, съедает тоска, тоска заела (напала)* можно сделать вывод о том, что в русской языковой картине мира тоска предстает как некий хищный зверь. Своеобразную

интерпретацию этого метафорического образа можно найти у психологов. Так, в терминологии психоаналитика Э. Нойманна, в этой метафорике проявляется архетипическая «идея пожирательства», фиксируемая в подсознании человека за негативными явлениями физического и духовного мира [5].

Приёмы метафорической реконструкции языковой картины мира успешно применяются в отечественном языкознании начиная с 70-х гг. XX в. целой плеядой исследователей, таких как Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, В. А. Успенский, Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, А. Д. Шмелев, Т. В. Булыгина, А. А. Зализняк и др. Отдельным направлением исследования концепта тоски является анализ преломления этого концепта в творчестве известных писателей. Отметим, что художественный талант ярких писателей не только отражает закрепившиеся в культуре атрибуты эмоционального концепта, но и всегда стремится вырваться за пределы стереотипа и придать концепту новые, авторские характеристики. Сошлёмся, например, на анализ представления концепта тоски в творчестве Б. Пастернака: «Данный концепт аккумулирует как традиционные для русской культуры значения тоски: *томление души; тревога, беспокойство; боязнь; скука; печаль*, так и индивидуально-авторские: *вода, вихрь, хищник, человек, клеймо, болезнь, состязание, слова, призрак*» [11].

Материалы и методы исследования

Для анализа лексической комбинаторики тоски мы обратились к Национальному корпусу русского языка, представляющему собой коллекцию текстов на русском языке общим объёмом более 2 млрд слов, оснащённую лингвистической разметкой и инструментами поиска. Как указывается в описательной части соответствующего сайта, Национальный корпус русского языка (НКРЯ, Корпус) — это собрание независимых корпусов, каждый из которых предназначен для решения определенных лингвистических задач. Каждая из этих коллекций текстов является большой по объёму и представительной выборкой, что делает их ценным материалом для количественных и качественных исследований. Наиболее общим по своим задачам является основной корпус, включающий прозаические письменные тексты на протяжении последних трёх с лишним веков, в него входят и опубликованные, и рукописные, и электронные тексты самых разных жанров. Его разметка носит наиболее нейтральный характер,

как и отдельного газетного корпуса, самого большого в НКРЯ; он включает тексты центральных СМИ начиная с 1980-х гг. [7].

Считаем важным отметить, что для поиска коллокаций в корпусе используется статистический подход, то есть коллокациями считаются такие сочетания слов, которые встречаются совместно чаще, чем случайно. Для подсчёта коллокаций, как сообщает сайт, используются несколько статистических метрик (T-score, logDice, MI³, Loglikelihood) [7].

В качестве метода выявления элементов культурного содержания мы применили анализ комбинаторных возможностей слова «тоска» по нескольким выборкам устойчивой сочетаемости из указанного корпуса. Результаты семантического анализа наиболее частотных коллокаций рассматриваются нами как объективированный набор культуроспецифичных смысловых компонентов концепта тоски.

Результаты исследования и их обсуждение

Поскольку наши наблюдения будут проводиться по семантической модели концептуального анализа, необходимо сделать замечание и о структурировании выявляемых элементов содержания. Исследование культурного содержания концепта предполагает привязку выявляемых элементов к определённым составляющим его структуры. В лингвокультурологии представление о структуре концепта опирается на ряд схем, ставших уже классическими. Так, согласно Ю. С. Степанову в структуре концепта выделяются: 1) обиходная, общеизвестная сущность, 2) сущность известная отдельным носителям языка и 3) сущность историческая, этимологическая информация. С. Г. Воркачев выделяет в концепте: 1) понятийную составляющую (признаковая и дефиниционная структура), 2) образную составляющую (когнитивные метафоры, фиксирующие концепт в сознании) и 3) значимостную составляющую — этимологические, ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка. Сходным образом В. И. Карасик различает в структуре концепта: 1) образно-перцептивный компонент, 2) понятийный (информационно-фактуальный) компонент и 3) ценностную составляющую (оценка и поведенческие нормы). М. В. Никитин вычленяет в концепте образ, понятие, когнитивный импликационал и прагматический импликационал. Обобщая целый ряд предложенных лингвистами структурных моделей, З. Д. Попова

и И. А. Стернин делают вывод, что большинство исследователей вычлениют в составе концепта определённое информационно-понятийное ядро, образ и некоторые дополнительные признаки, что свидетельствует о принципиальном сходстве в понимании структуры концепта в разных научных школах [8, с. 106].

Как нам представляется, в концептуальном анализе, приоритетом которого являются культуурообусловленные компоненты содержания, структурную схему концепта можно в целях методологического удобства свести к выделению двух смысловых блоков: понятийного и ассоциативного.

Рассмотрим область понятийно-логического содержания слова «тоска», зафиксированную в словарном значении соответствующей лексической единицы. Конечно же, здесь приходится сделать необходимую оговорку о том, что аналитическая уязвимость лексикографических источников очевидна: словарные дефиниции не являются естественными фактами языка, представляя собой лишь интерпретацию их содержания. В то же время как минимум два соображения служат основанием для того, чтобы считать такие источники достаточно валидными для семантического и, шире, лингвокультурологического анализа.

Во-первых, наиболее известные словари с методологической точки зрения являются примерами хорошо верифицированных исследований, поскольку они проходят тщательную проверку, контроль материала, редактуру и модификации. В ходе своеобразной научной эволюции на первые места выходят такие лексикографические описания, за которыми признается и объяснительный авторитет, и объективность их семантических дескрипций.

Во-вторых, эти признанные авторитет и объективность уже сами начинают действовать как семантический фактор, влияющий на смысловую интерпретацию описываемых ими языковых единиц. Действительно, если словари применяются в качестве арбитра, с которым сверяются в каких-то случаях даже носители языка, то это означает, что дефиниции словаря будут хотя бы частично считаться чем-то наподобие правильных ответов в учебнике семантики языка. Тем более этот фактор значим в процессе обучения, поскольку словари, принимаемые системой образования для школьных программ родного и иностранного языков, будут уже очевидным образом формировать важную часть содержания большого числа слов.

Обратимся к распространенным дефинициям слова «тоска»:

Словарь русского языка в 4-х т. / РАН:

1. Тяжёлое гнетущее чувство, душевная тревога.

2. Скука, уныние, царящие где-л., вызываемые однообразием обстановки, отсутствием дела, интереса к окружающему. *Зелёная тоска* [9].

Толковый словарь русского языка

Д. Н. Ушакова:

1. Сильное душевное томление, душевная тревога в соединении с грустью и скукой. *По родине. Испытывать тоску. Наводить или нагонять тоску.*

2. Нудная скука, смешанная с отвращением (разг.) [11].

Толковый словарь русского языка

С. И. Ожегова:

1. Душевная тревога, уныние. Наводить тоску на кого-н. Т. берёт. Т. в глазах, во взгляде у кого-н. Т. по родине.

2. Скука, а также (разг.) что-н. очень скучное, неинтересное. *Т. зелёная* [10].

Большой толковый словарь русского языка / РАН. Под ред. С. А. Кузнецова:

1. Тяжёлое гнетущее чувство, душевная тревога, грусть, уныние.

На меня нашла т. Мучит т. Смертная, смертельная т. Сердечная, душевная т. Т. одиночества. Т. сжимает сердце.

2. (разг.) Гнетущая, томительная скука. *Нагонять, наводит тоску. Разогнать, развеять тоску. С тоски удавиться, пропасть, умереть. Т. зелёная. С тоской слушать кого-л.*

3. Скука, уныние, царящие где-л., вызываемые однообразием обстановки, отсутствием дела, интереса к окружающему [2].

Содержательная схожесть этих дефиниций дает возможность выделить как наиболее значимые следующие свойства:

1. В качестве первого признака в составе дефиниции приводится оценочная характеристика, относящаяся к эмоциональному содержанию понятия тоски — *тяжёлое (гнетущее)* [чувство]. Таким образом, в ядре понятийного значения оказывается закреплён высокий по экспрессивности эмоционально-оценочный потенциал единицы.

2. Словарные толкования сходятся и в том, что наиболее выраженным (опять же в силу указания в первом значении и в самом начале его дефиниции) понятийным компонентом тоски является тревога.

3. Поскольку понятие тревоги рассматривается лишь как одна из составляющих понятий-

ного значения (тоска не сводится к одной лишь тревоге) и поскольку реакция тревоги предполагает несколько иной эмоциональный источник, чем тоска (тревога вызывается прежде всего страхом), то тревога в дефинициях получает одинаковую уточняющую характеристику в виде определения «душевная». Это уточнение в концептуальном отношении показательное тем, что связывает понятие тоски с наиболее глубинными уровнями человеческой психики. В русской картине мира концепт души очевидным образом понимается в качестве собственно сущности человеческой личности. Одновременно такое определение служит указанием на силу эмоционального переживания.

4. В целом компоненты понятия тоски, согласно порядку их перечисления в дефинициях, можно представить в виде последовательности «*тревога — грусть — уныние — скука*». Обращает на себя внимание то, что скука часто выводится отдельным значением, из чего можно предположить, что семантическая связка «*тревога — грусть — уныние*» рассматривается как более плотное смысловое целое в этой последовательности понятийных компонентов. Действительно, скука эмоционально противоположна тревоге, но, поскольку слово «тоска» часто выступает просто экспрессивным синонимом скуки, логично выделить отдельное значение, сводящим эту эмоциональную пару вместе.

Далее мы попробуем показать, каким образом описанная понятийная область получает верификацию и дополнение со стороны ассоциативной составляющей концепта тоски.

Содержание ассоциативной области определяется нами как совокупность смысловых признаков, которые выявляются в сочетаниях ключевого слова, выражающего концепт (слова-репрезентанта) с другими лексическими единицами. Мы считаем важным подчеркнуть, что именно устойчивая лексическая сочетаемость дает возможность выявить когнитивные признаки концепта, не выводимые (по крайней мере полностью) из одной лишь семантики словарной дефиниции. Анализ лексической сочетаемости на большом текстовом материале дает заметные преимущества перед ассоциативными экспериментами, поскольку индивидуальные и случайные результаты будут отсеяны большой выборкой в область низких частотностей. Корпусные методы как нельзя более подходят для статистически валидного анализа комбинаторных возможностей слова, при котором подборка смысловых ассоциатов

окажется максимально объективной как характеристика культурных коннотаций, узнаваемых и воспроизводимых носителями исследуемого языка. Такая объективация представляется тем более актуальной в свете замечаний ряда исследователей, указывающих на уязвимые места современной концептологии, Так, согласно В. И. Карасику, к теоретическим уязвимостям следует отнести «субъективизм в оценке значимости тех или иных признаков [концепта] для определённой лингвокультуры» [4, с. 93].

Сочетаемость слова «тоска», зафиксированную в подборках Национального корпуса русского языка, логично анализировать по частям речи. Это деление продиктовано не только структурным удобством, но и очевидными различиями по способности разных частей речи передавать разные когнитивные признаки.

Так, сочетания с прилагательными будут прежде всего указывать на оценочные характеристики определяемого слова по степени экспрессивности эмоции и по образной аналогии соответствующего переживания. Как показывает сводка частотности, наиболее типичными коллокатами слова «тоска» в корпусе текстов выступают метафорические прилагательные. К ним относятся (в скобках приведены показатели частотности сочетаний с указанным прилагательным в позиции определения): *смертельная* (202), *глубокая* (150), *безысходная* (128), *острая* (85), *тяжёлая* (81), *зелёная* (66), *глухая* (58), *лютая* (46), *тупая* (34), *тёмная* (26). Прилагательные этого частотного списка обладают высокой экспрессивностью, выразительной образностью и предсказуемо негативной оценочной окраской.

Общей характеристикой, претендующей на свойство культуроспецифичного разряда, определённо является подчеркнута высокая «степень тяжести» соответствующего эмоционального переживания. Так, например, трудно себе представить уместность большинства сочетаний английских эквивалентов этих прилагательных с переводческими аналогами русской «тоски» (ср. **deadly sadness*, **acute melancholy*, **dark spleen*, **brutal depression*). Интересно отметить, что указываемый во многих словарях пример характерного сочетания «зелёная тоска» по своей частотности в корпусе текстов не находится на самом вершине списка. Возможно, это указывает на то, что речевое употребление слова «тоска» в значении скуки (а именно это значение акцентирует данное цветное определение) всё же уступает значению «душевная тревога в сочетании с грустью».

Из неметафорических определений тоски в группе высших частот оказались прилагательные: *страшная* (192), *невыразимая* (112), *непонятная* (82), *ужасная* (77). Примечательно, что помимо указания на глубину эмоции мы встречаем здесь характеристику неопределённости — как будто говорящему и самому неясна природа случившегося с ним переживания. Создаётся впечатление, что в этих сочетаниях содержится косвенный аргумент в пользу культурной уникальности концепта тоски: откуда взяться полной эквивалентности в других языках, если сами носители русской культуры временами не могут понять, что именно с ними в состоянии тоски происходит!

Вместе с тем среди частотных определений зафиксированы прилагательные, указывающие и на источник эмоционального ощущения: согласно данным корпуса, слова «тоска» в число таких употребительных коллокатов входят «любовная», «осенняя» и «ностальгическая». Сочетания «любовная тоска» и «ностальгическая тоска» вполне отвечают логике сценарной дефиниции тоски по А. Вежбицкой, как ощущение чего-то недоступного или утраченного (объекта любви или невозвратимого прошлого). «Осенняя тоска» очевидным образом тяготеет к более концептуально простому значению скуки и уныния.

Среди глаголов, образующих устойчивые предикаты к слову «тоска», большая часть представлена экспрессивными метафорами, образность которых предсказуемо иллюстрирует смысловую сферу активных, агрессивных и деструктивных воздействий — *нападать*, *овладевать*, *охватывать*, *грызть*, *сжимать*, *давить*, *глодать*, *томить*, *угнетать*, *мучить*, *терзать*, *заесть*. Смысловый спектр этих метафорических предикатов хорошо согласуется с базовыми компонентами понятийного ядра «тоски» — «тяжёлое, гнетущее, тревожащее чувство». Благодаря этим понятийным компонентам слово «тоска» активно притягивает к себе глагольную семантику ранящих, болезненных и неодолимых действий.

Корпусная статистика сочетания «тоски» с существительными демонстрирует следующие особенности. Во-первых, обращает на себя внимание то, что в высших значениях частотности оказались коллокаты из понятийной группы причины переживания — *одиночество* (с частотностью сочетаний — 139) или психологической «области локализации» тоски — *сердце* (134) и *душа* (121). Душа и сердце закономерно выступают в качестве рецепторов тоски, и именно эти чув-

ствительные психические «органы» порождают столь хорошо прослеживаемую в глагольных сочетаниях болезненную реакцию на острое её переживание. В группе обозначений причины тоски наряду с одиночеством, хотя и с заметным отрывом по показателю частотности, вошли также такие коллокаты, как *любовь*, *разлука*, *ожидание*, *расставание*. Легко заметить, что их объединяет смысловая сфера психологически значимых межличностных отношений. Характерно и то, что легче всего слова этой группы встраиваются в комбинаторный потенциал именно тоски, а не смежных эмотивных номинаций — скуки, хандры или грусти (ср., напр. **скука [несчастной] любви*, **грусть ожидания*, **хандра расставания*).

Благодаря устойчивости подобных сочетаний культурная семантика концепта тоски фиксирует в сознании носителей языка нормативность сильного эмоционального переживания в случае каких-то неустойчивых личных отношений. Похожим образом устойчивое сочетание «тоска по родине» закрепляет своего рода эмоционально-этический стандарт подобающего отношения к месту своего рождения. Примечательно, что в этих эмоционально-оценочных моделях слово «тоска» получает оттенок положительной коннотации — культура как бы говорит носителю языка, что эмоциональная привязанность к близкому человеку или родной земле — это хорошо и правильно.

Следующей особенностью является наличие в ряду коллокатов высокой частотности целого кластера существительных, обозначающих эмоциональные состояния, родственные тоске. Показательно то, что в группе этих единиц верхние позиции занимают слова *грусть*, *скука*, *печаль*, *отчаяние*, фактически повторяющие понятийный состав словарных дефиниций — буквально или близкими синонимами. Мы склонны считать такое соответствие убедительным подтверждением правильности разложения концепта тоски на понятийные «множители» составителями приведённых словарей.

Единственным статистическим выбросом из верхнего ряда частотности оказалось слово «тревога» — его сочетаемость уступает скуке примерно вдвое. Как нам представляется, причина может быть в том, что, как мы указывали ранее, под тревогой понимается преимущественно состояние, вызываемое страхом, реакция на какой-то источник опасности. Тоска же не ассоциируется с опасностью, по крайней мере, непосредственно, и сама по себе мало похожа на

страх. Очевидно, руководствуясь похожими соображениями, авторы словарных дефиниций используют фразовую характеристику «душевная тревога», тем самым подчеркивая, что речь идёт не столько о тревоге как таковой, сколько о неприятном ощущении беспокойства, тревожащем человека в том смысле, что от него никак не удаётся избавиться. Среди других номинаций эмоций корпусная выборка указывает на совместимость слова тоски понятиями боли, и даже злобы и гнева, но уже с существенно более низкими показателями частотности сочетаний.

Заключение

Как нам представляется, из приведенных выше наблюдений можно сделать следующие выводы.

Анализ лексической комбинаторики слова «тоска» на материале структурированной по частям речи корпусной выборки коллокаций даёт возможность описать ассоциативное семантическое поле соответствующего этому слову концепта. Культурологическая значимость такого описания определяется тем, что корпусная статистика обобщает огромный объём текстовых примеров речевого использования анализируемого слова, благодаря чему происходит отсеивание индивидуальных, случайных и прочих окказиональных характеристик. Таким образом, результаты статистического отбора по высоким значениям частотности коллокатов можно рассматривать как объективированный набор устойчивых и типичных для данной культуры смысловых ассоциаций.

Ассоциативное поле концепта тоски, выявляемое с помощью анализа коллокаций корпусной выборки, указывает на возможность определения ряда актуализируемых устойчивой сочетаемостью слова культуроспецифичных признаков, таких как:

– Составной характер психологического состояния тоски, проявляющийся в виде комбинации нескольких эмоциональных переживаний, задействованных одновременно: тревожное беспокойство в соединении с грустью и унынием. Корпусная выборка служит хорошей верификацией семантической точности определений тоски в классических толковых словарях русского языка, поскольку понятийные компоненты этих дефиниций получают высокие значения частотности употребления в корпусе текстов.

– Указанное соединение эмоциональных состояний отличает восприятие и переживание тоски от выделяемых психологией базовых эмоций, которые несомненно, задействованы в ощу-

щении тоски, но их взаимодействие не сводится к простой сумме их свойств по отдельности. Грусть в «чистом виде» пассивна и может сводиться всего лишь к общему состоянию плохого настроения. Тревожность в «чистом виде» связана со страхом, с реакцией на опасность. Соединение этих компонентов в тоске преобразует их совместное переживание. Семантика тоски описывает состояние, при котором человеку грустно, потому что тревожно, а тревожно не потому, что страшно, а из-за острой потребности найти способ избавиться от беспокоящего обстоятельства, вызывающего тяжелый психологический дискомфорт.

– Сочетаемость слова «тоска» с большой группой экспрессивных метафор подчеркивает глубину и остроту ассоциирующего с этим концептом эмоционального переживания. Воздействие тоски уподобляется активной, злой и трудноодолимой силе, что особенно ярко проявляется в устойчивой комбинаторике с прилагательными и глаголами. Чувственными «мишенями» тоски языковое сознание определяет душу и сердце, которые в переводе на язык психологии соответствуют ядру человеческой личности.

– Наконец, особой культурологической чертой, выделяющей концепт тоски в спектре эмоциональных состояний, выступает тенденция к соединению переживания с осознанием причины, его вызвавшей или к отчаянному поиску такой причины. Слово «тоска» явным образом тяготеет к сочетаемости с обозначениями вызывающих тоску обстоятельств: *одиночество, любовь, ностальгия, разлука, расставание, пребывание вдали от родины* и т. д. Эта тенденция хорошо согласуется со сценарной формулой тоски, предложенной А. Вежибицкой, предполагающей в тоске ощущение чего-то утраченного или труднодостижимого (недостижимого). Показательно и то, что для слова «тоска», как отмечалось выше, частотны сочетания с прилагательными *невъразимая* и *непонятная*. По нашему убеждению, такие сочетания свидетельствуют как раз о том, что непонятность связана не столько с самим чувством, сколько вызывается невыясненностью причины тоски. Ускользающая от осознания причина переживания раздражает человека и побуждает его к поиску этого источника. Как нам представляется, эта специфичная черта имеет особое значение как психологический механизм, посредством которого русская языковая культура оформляет и закрепляет определённую модель когнитивного восприятия и соответствующий этому восприятию тип реакции.

Психологическая модель переживания то-ски призвана не обессилить человека, а заста-вить его быть активно неудовлетворённым сво-им душевным состоянием. В концептуальной инструкции к чувству тоски семантически за-программирована раздражённая энергетика, побуждающая человека осознать, что имен-но не даёт ему покоя, и дающая возможность на ресурсе этой энергетике настойчиво пы-

таться найти выход из острого дискомфортного состояния. Культура, таким образом, как буд-то считает, что лучше раздражённое беспокой-ство, чем депрессия. Концепт тоски прошёл в русской культуре долгую когнитивную апро-бацию, и его языковая популярность явно гово-рит в пользу того, что спрятанный в семантике психологический рецепт зачем-то нужен русско-му человеку.

Список источников

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / 2-е изд., испр. Москва : Языки русской культуры, 1999. 911 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т лингв. исслед. Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar> (дата обращения: 20.09.2024).
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 20 с.
5. Красавский Н. А. Концепт «тоска» в русской лингвокультуре // Известия ВГПУ. 2009. № 7. С. 20–23.
6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.09.2024).
8. Попова, З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М : АСТ: «Восток-Запад», 2007. 314 с.
9. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/19/ma438914.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 20.09.2024).
10. Толковый словарь русского языка [Текст] : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%82%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 20.09.2024).
11. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940). URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/19/us475504.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 20.09.2024).
12. Федоринчик А. Ф. Концепт «тоска» в поэзии Б. Пастернака // Вестник Белорусского государственного педагогического университета 2010. № 4 (66). С. 76–80.
13. Шмелев А. Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
14. Шмелев А. Д. Широта русской души // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

References:

1. Arutyunova ND. Yazyk i mir cheloveka=Language and the Human World. Moscow: Languages of Russian Culture. 1999. 911 p. (In Russ.).
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Large Russian Dictionary. Russian Academy of Sciences, edited by Kuznetsov SA, St Petersburg. Norint. 1998. Available from: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar> (accessed: 20.09.2024). (In Russ.).
3. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie=Language. Culture. Cognition. Moscow. 1996. 416 p. (In Russ.).
4. Karasik VI. Yazykovaya matrica kul'tury=The Language Matrix of Culture Moscow : Gnozis, 2013. 320 p. (In Russ.).
5. Krasavskij NA. Koncept toska v russkoj lingvokul'ture = The Concept of Toska in Russian Culture. *Izvestiya VGPU*. 2009;(7):20-23. (In Russ.).
6. Krasnyh VV. «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? = A Stranger among Us: Myth or Reality? Moscow : «Gnozis», 2003. 375 p. (In Russ.).
7. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka=National Corpus of the Russian Language. Available from: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 20.09.2024). (In Russ.).

8. Popova, ZD, Sternin IA. Kognitivnaya lingvistika=Cognitive Linguistics. Moscow : Vostok-Zapad, 2007. 314 p. (In Russ.).
9. Slovar' russkogo yazyka = Russian Language Dictionary // Russian Academy of Sciences, edited by AP Yevgenieva. Moscow : Poligrafresursy, 1999 Available from: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/19/ma438914.htm?cmd=0&istext=1> (accessed: 20.09.2024). (In Russ.).
10. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Explanatory Russian Dictionary: about 100 000 words, terms and phrases / SI Ozhegov. edited by LI Skvortsov. Available from: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%82%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B0> (accessed: 20.09.2024). (In Russ.).
11. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Explanatory Russian Dictionary edited by DN Ushakova (1935-1940). Available from: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/19/us475504.htm?cmd=0&istext=1> (accessed: 20.09.2024). (In Russ.).
12. Fedorinchik AF. Koncept «toska» v poezii B Pasternaka = The Concept of Toska in Poetry by B Pasternak. *Bulletin of Belorussian State Pedagogical University*. 2010;(4(66):76-80. (In Russ.).
13. Shmelev AD. Mozhno li ponyat' russkuyu kul'turu cherez klyuchevye slova russkogo yazyka? = Can we Understand Russian Culture through Russian Key Words // Zaliznyak AA, Levontina IB, Shmelev AD. Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira=Key Ideas of Russian Language Worldview. Moscow : Slavonic Culture Languages, 2005. 544 p. (In Russ.).
14. Shmelev AD. Shirota russkoj dushi = Broadness of the Russian Soul // Zaliznyak AA, Levontina IB, Shmelev AD. Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira=Key Ideas of Russian Language Worldview. Moscow : Slavonic Culture Languages, 2005. 544 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. М. Погорелко — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации.

Т. Н. Герасина — старший преподаватель кафедры инновационных технологий языковой коммуникации.

Information about the authors

A. M. Pogorelko — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of English Language and Intercultural Communication.

T. N. Gerasina — Senior Lecturer at the Chair of Language Communication Innovation Technologies.

Статья поступила в редакцию 01.09.2024; одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 01.10.2024.

The article was submitted 01.09.2024; approved after reviewing 20.09.2024; accepted for publication 01.10.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.